

M.D. DIXON. Late Classical and Early Hellenistic Corinth, 338–196 B.C. London–New York: Routledge, 2014. XVIII, 231 p.

В монографии Майкла Диксона предпринята первая попытка комплексного рассмотрения истории Коринфа в эпоху эллинизма. Для рецензируемой книги подошел бы подзаголовок «Коринф и Македония от Филиппа II до Филиппа V», который бы весьма точно охарактеризовал ее содержание¹. Показательно, что автором в качестве конечной точки избран не символический 146 г. до н.э., когда Коринф был разрушен римлянами, а 196 г. до н.э., когда город был освобожден от македонского контроля (впрочем, лишь для того, чтобы быть включенным в Ахейский союз)².

Со времени Филиппа II Коринф и его цитадель Акрокоринф служили важнейшим оплотом македонского военного присутствия в Греции, будучи, по выражению Антигониды Филиппа V, одним из звеньев «оков Эллады» (наряду с Деметриадой и Халкидой – Polyb. XVIII. 11. 4–5; 45. 4–6; ср. Plut. Arat. 16. 6). Примечательны и слова Филиппа V о Коринфе как его «наследственном владении»³.

Монография Диксона состоит из восьми глав: 1. «Коринф: “врата истмийского Посейдона” (Pind. Ol. 13. 4–5)⁴» (с. 1–14); 2. «Коринф в эпоху Филиппа II и Александра III, 338–323 гг. до н.э.» (с. 14–45); 3. «“Коринфские беды”: Коринф и диадохи, 323–301 гг. до н.э.»⁵ (с. 46–74); 4. «Антигон Гонат и Коринф: “страсть его жизни”»⁶ (с. 75–109); 5. «Сооружения и культы в раннеэллинистическом Коринфе» (с. 110–142); 6. «Ахейская интерлюдия, 243–224 гг. до н.э.: от освобождения к мятежу» (с. 143–167); 7. «Конец македонского Коринфа» (с. 168–197); 8. «Заключения и размышления» (с. 198–211).

Первая глава начинается с рассмотрения географического положения Коринфа, которое иллюстрируется цитатой из Плутарха о стратегическом значении города для контроля над Элладой (Plut. Arat. 16. 5–6). Однако, как добавляет Диксон, контроль был невозможен без сотрудничества с гражданами города и их лояльности (с. 1). С этим можно согласиться – определенно, македонские цари, владевшие Коринфом, опирались на лояльные им «группировки». Но, важно отметить, как это и сделал автор, что две стороны «не были равными партнерами» (с. 3).

В основу отношений коринфян и македонских царей (Филиппа II и Александра, а затем и Антигонидов) Диксон кладет понятие *εὐνοία* (подразумевая «взаимное благорасположение» – *reciprocal goodwill*) (с. 2–4). Для обоснования этого концептуального момента он ссылается на рекомендацию Исократу Филиппу II о важности *εὐνοία* к нему со стороны эллинов (Philip. 68), а также ремарку Диодора (XVI. 3. 3) о Филиппе и *εὐνοία* как одной из целей его политики. Впрочем, это явное упрощение⁷; очевидно, что отношения коринфян и македонских царей носили более сложный характер.

Я благодарен С.К. Сизову (Нижний Новгород) за важные комментарии по поводу отношений Коринфа и Ахейского союза. Конечно же, ответственность за представленные выводы лежит только на авторе рецензии.

¹ Ср. с названием книги С. Трэиси «Афины и Македония» (Tracy 2003), посвященной афинской эпиграфике и отражению в ней отношений афинян и македонян в 300–229 гг. до н.э.

² В рассматриваемый Диксоном период Коринф лишь с 243 по 224 гг. до н.э. не контролировался македонскими царями или династами македонского происхождения; в это время полис в первый раз был частью Ахейской федерации.

³ Liv. XXXII. 34. 12–13: ...*quas a maioribus suis accepisset*.

⁴ «The Gateway of Isthmian Poseidon», или «порог истмийского Посейдона» (Pind. Ol. XIII. 4–5: ...*Ἰσθμίου πρόθυρον Ποσειδάωνος*).

⁵ Цитата из Менандра (*Per.* 124–126: ...*καὶ τοῦ πολέμου καὶ τῶν Κορινθιακῶν κακῶν*).

⁶ «The passion of his life» – имеется в виду ремарка Плутарха (*Arat.* 17. 1: *ἡ δ' Ἀντιγόνου σπουδὴ περὶ αὐτὸν οὐδὲν ἀπέλειπε πάθει τῶν ἐμμανεστάτων ἐρώτων* – «...желание Антигона овладеть ею [областью Коринфа] ничуть не уступало самой жаркой и неистовой любовной страсти»; пер. С.П. Маркиша).

⁷ Диодор упоминает, что Филипп «добивался наибольшего благорасположения народа дарами и обещаниями» (...*καὶ διὰ τε τῶν δωρεῶν καὶ τῶν ἐπαγγελιῶν εἰς τὴν μεγίστην εὐνοίαν τὰ πλήθη προήγετο* – Diod. XVI. 3. 3), однако, данное замечание сделано в контексте характеристики отношений царя и македонян.

Отметив в кратком историографическом обзоре отсутствие специальных работ по истории эллинистического Коринфа, Диксон обратился к рассмотрению источников, констатируя их крайне неудовлетворительное состояние (с. 4–6). В сохранившейся литературной традиции нет труда, посвященного коринфской истории рассматриваемого времени; имеются лишь разрозненные упоминания о некоторых событиях, которые часто трудно датировать и интерпретировать. Другая проблема – крайняя малочисленность эпиграфических источников; при этом отсутствуют документы, освещающие взаимоотношения коринфян и македонян. В ряде случаев автор привлекает надписи из других частей Греции с упоминанием коринфян и пытается интерпретировать их в контексте истории их родного полиса (например, связывая с мятежом в Коринфе Александра, сына Кратера, появление в Афинах коринфянина Филокла, внесшего значительную сумму в общественное пожертвование [IG II² 791] во время войны афинян и Антигона Гоната против Александра; по мнению Диксона, Филокл остался верным Гонату и был вынужден покинуть Коринф – с. 96).

Коринф и его хора хорошо исследованы археологами, но историческая интерпретация многих памятников вызывает проблемы. Следует особо отметить интерес Диксона к топографии и его попытки на основе собственного опыта локализовать некоторые события, известные из литературной традиции. Кстати, по замыслу автора, его книга должна служить и историческим руководством для археологов, работающих в Коринфе (с. 7, 209).

Также в первой главе рассмотрено состояние Коринфа к моменту его попадания под македонский контроль. Например, отмечены экономические трудности, ставшие следствием военных конфликтов первой половины IV в. до н.э., затронувших город и его округу (с. 7–8). Впрочем, многие предположения автора об экономике (здесь и далее) в силу состояния источников являются более или менее гипотетичными.

В начале второй главы рассмотрены отношения Коринфа и Филиппа II до присоединения города в 340 г. до н.э. к антимакедонской коалиции, которая была разгромлена два года спустя в битве при Херонее. После поражения эллинов Коринф сдался Филиппу и в нем был размещен гарнизон. Очевидно, что к власти в городе пришла «промакедонская группировка», наиболее известными представителями которой являлись Демарат и Динарх – люди, бывшие ранее в окружении Тимолонта. Именно в Коринфе Филиппом II был создан союз, объединивший большую часть греческих государств на Балканах, и объявлена война Персидской державе. Далее во второй главе показаны отношения коринфян с Александром и роль некоторых граждан (в первую очередь, упомянутого выше Демарата – ксена Филиппа и его сына, и ряда других людей) во время Восточного похода македонского царя (с. 27–29).

На основе надписи о поставках зерна из Кирены в ряд греческих государств, в том числе и в Коринф (SEG IX. 2; ок. 330–326 гг. до н.э.), Диксон попытался высчитать население города, получившего 50 000 медимнов. С оговорками он допустил, что в самом начале эпохи эллинизма в Коринфе было, исключая метеков, ок. 55 500 жителей (с. 33–36).

Третья глава посвящена отношениям коринфян с диадохами: Антипатром, Полиперхонотом, Кассандром, Птолемеем и первыми Антигонидами – Антигоном Монофталмом и Деметрием Полиоркетом.

Здесь же Диксон кратко затронул интересную проблему интерпретации увенчанного диадемой изображения, символизирующего Коринф (Athen. V. 201d), провезенного рядом со статуями Александра Великого и Птолемея I в процессии во время праздника, устроенного Птолемеем II в Александрии (видимо, после 275 г. до н.э.). В образе Коринфа автор склонен видеть аллюзию на Коринфский союз Филиппа II и Александра, поддержав мнение о попытке его воссоздания Птолемеем I в 308 г. до н.э. (с. 57)⁸. Однако следует упомянуть, что высказывались сомнения в подобной интерпретации, основанные, например, на том, что в античных источниках союз Филиппа и Александра никогда не именуется «Коринфским», да и гипотеза о попытке его реанимации Птолемеем достаточно уязвима⁹. С другой стороны, этот союз, конечно же, ассоциировался именно с Коринфом – так что интерпретация изображения Коринфа в процессии Филадельфа как аллюзии на Коринфский союз является возможной¹⁰. Показательно, что в 302 г. до н.э. именно Коринф стал местом, в котором Монофталмом

⁸ Cp. Rice 1983, 102–107.

⁹ Walbank 1984, 54.

¹⁰ Изображение Коринфа – города, бывшего одним из символов военного присутствия Антигонидов в Элладе, можно рассматривать и в контексте пропаганды Птолемея II Филадельфа, направленной против Антигона Гоната, контролировавшего Коринф и Истм. В начале 260-х годов до н.э. Филадельф принял активное участие в создании антимакедонской коалиции ряда греческих государств, выступая под лозунгом борьбы за свободу эллинов (SVA III. 476 сткк. 16–18). Итогом стала неудачная для Египта и его союзников (Афины, Спарта и др.) Хремонидова война (ок. 268–262 гг. до н.э.).

и Полиоркетом был учрежден новый Эллинский союз (с. 64), просуществовавший, впрочем, лишь до их разгрома в битве при Ипсе годом спустя.

По мнению Диксона, только Антигониды, утвердившиеся в Коринфе в конце IV в. до н.э., возобновили долговременную *εὔνοια* с гражданами полиса. Размещение гарнизона (формально по просьбе коринфян для защиты от Кассандра – Diod. XX. 103. 3) Диксон рассматривает как благодеяние (с. 64), хотя, очевидно, что отказать Деметрию жители Коринфа не смогли бы. Полиоркет сохранил контроль над Коринфом не только после Ипса, но и после завершения своего царствования в Македонии (в 294–288 гг. до н.э.) и бегства оттуда; впоследствии город «унаследовал» его сын Антигон II Гонат.

В четвертой главе рассмотрены различные аспекты истории Коринфа с начала III в. до н.э. до захвата города ахейцами в 243 г. до н.э. Большая часть истории полиса в это время была связана с Антигоном Гонатом, чьи интересы на Истме представлял сводный брат царя Кратер¹¹. Его первое упоминание в связи с Коринфом относится к рубежу 280–270-х гг. до н.э. (Epicur. Epist. Fr. 42, 57 Arrighetti).

Следует отметить, что Диксон склонен поддержать мнение, что во время вторжения Пирра на Пелопоннес в 272 г. до н.э. командовать гарнизоном в Коринфе мог не Кратер, а служивший Гонату фокейский пират Аминий (с. 84–87, 91–92)¹². Впрочем, данная гипотеза не имеет серьезных оснований: присутствие Аминия в Коринфе зафиксировано в источниках лишь однажды (Plut. Pyrrh. 29. 11), еще точно при жизни Кратера (ок. 271 г. до н.э. брат Гоната находился на Пелопоннесе, возглавив корпус, посланный на помощь элидскому тирану Аристотиму – Plut. Moral. 253a). Очевидно, что Плутарх при описании событий 272 г. до н.э. говорит об Аминии, как о командире отряда наемников, видимо, только временно расквартированного в Коринфе¹³.

Более подробного рассмотрения, чем то, которое можно найти в рецензируемой книге, заслуживает вопрос о статусе Кратера, его полномочиях и характере отношений с коринфянами. Диксон называет Кратера *эпистатом*, хотя упоминает и возможность того, что он был *стратегом* (с. 84). Для разбора этого сюжета автору было необходимо привлечение материалов об *эпистатах* Антигонидов вне пределов Македонии¹⁴. На основании имеющихся источников нельзя установить официальное наименование поста Кратера, хотя, учитывая и военный характер его полномочий (Plut. Mor. 253a), наиболее вероятно, что он был *стратегом*¹⁵. Несмотря на сомнения Диксона, Кратер, видимо, контролировал Коринф не позднее, чем с рубежа 280–270-х годов до н.э. вплоть до своей смерти (возможно, в 250-х годах до н.э.).

В этой же главе рассмотрена роль города в Хремонидовой войне (около Коринфа погиб один из участников антимакедонской коалиции спартанский царь Арей: Plut. Agis. 3. 7; Trog. Prol. XXVI),

¹¹ Кратер, родившийся ок. 321 г. до н.э., был сыном Кратера (Старшего), знаменитого полководца Александра Великого, и Филы, дочери Антипатра. После гибели Кратера Фила была выдана замуж за сына Антигона Монофталма Деметрия, родив в 319 г. до н.э. будущего Антигона Гоната.

¹² Ср. Gabbert 1997, 36, 55.

¹³ Plut. Pyrrh. 29. 11: Ἀμεινίαν τε Φωκέα τῶν Ἀντιγόνου στρατηγῶν ἐκ Κορίνθου βοηθήσαντα παρεῖσθαι μετὰ ξένων. За несколько лет до этого (ок. 277–276 г. до н.э.) Аминий находился в армии Антигона Гоната во время осады Кассандрии (Polyaen. IV. 6. 18); вероятно, что на Пелопоннесе он появился с Гонатом лишь во время его финальной схватки с Пирром.

¹⁴ В 222 г. до н.э., согласно Полибию, беотиец Брахиλλ был оставлен Антигоном Досоном *эпистатом* в Спарте (Polyb. XX. 5. 12); видимо, где-то в конце III в. до н.э. Филипп V назначил некоего Асклепиада *эпистатом* в карийской Панамаре (IStratonikeia I. 4). Однако в городах самой Македонии *эпистаты* без сомнений были полисными ежегодными магистратами, ответственными за связь с монархами (Hatzopoulos 2003, 36–59).

¹⁵ *Стратеги*, управлявшие внешними владениями и командовавшие гарнизонами Антигонидов, засвидетельствованы эпиграфическими источниками (например: Syll.³ I. 454 сткк. 7–9: Пирей). О *стратегах* в державе Антигонидов см. Bengtson 1944, 336–381. *Стратегами* Полиэн и Плутарх называют Архелая и Феофраста, которые, примерно, в 245–243 гг. до н.э. вместе с философом Персеем командовали гарнизоном Антигона Гоната в Коринфе, бывшем ранее резиденцией Кратера (Polyaen. VI. 5; Plut. Arat. 23. 5). Говоря о политическом статусе Кратера, можно попытаться провести параллели с Таврионом, представлявшим интересы Антигонидов на Пелопоннесе после создания Антигоном Досоном Эллинского союза во второй половине 220-х гг. до н.э. Полибий упоминает о Таврионе (чья резиденция также находилась в Коринфе) как о человеке, ответственном за дела Пелопоннеса, очевидно не фиксируя его официальную должность (например: Polyb. IV. 6. 4: ὁ ἐπὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ βασιλῶν πραγμάτων ὑπ’ Ἀντιγόνου καταλελειμμένος; IV. 87. 1: ὁ ἐπὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ τεταγμένος). С другой стороны, Плутарх, рассказывая о последних днях жизни Арата Сикионского, называет Тавриона *стратегом* (Plut. Arat. 52. 2).

отношения с Дельфами, экономика и некоторые другие аспекты коринфской истории в 260–250-е гг. до н.э. Так, Диксон отметил появление в 258/257 г. до н.э. коринфского гиеромнемона в Дельфийской амфикистии (CID IV. 45–46), где при этолийском господстве обычно не были представлены государства, находившиеся под македонским контролем (с. 88–89). Автор объявляет это «исключением», не стараясь его объяснить¹⁶ – хотя данное обстоятельство важно для понимания принципов отношений македонян с коринфянами и вопроса о степени автономии полиса в рамках державы Антигонидов.

Обращаясь к мятежу сына Кратера Александра против Антигона Гоната Диксон справедливо поддержал его датировку временем ок. 249 г. до н.э. (с. 92–94)¹⁷, а не несколькими годами ранее, как до сих пор часто считают¹⁸. С мятежом Александра, последующей борьбой за Коринф и его захватом Аратом и ахейцами Диксон соотнес зафиксированный археологами упадок строительства в городе ок. середины III в. до н.э. (с. 91).

Представляется, что автор мог бы сделать акцент на том, что в Коринфе в лице Кратера и Александра, после того как Гонат, очевидно, утвердил последнего на посту отца, сложилась своеобразная «династия». Также Диксон не стал искать причины мятежа Александра, но даже в рамках его собственной концепции об εὐνοία можно допустить, что Кратер и его сын имели поддержку в Коринфе, что и позволило Александру впоследствии объявить себя независимым правителем. Показательно и то, что после смерти Александра власть над городом сохранила его вдова Никея, что определенно свидетельствует о ее популярности. Лишь после обещания Никее брака со своим сыном Деметрием и начала свадебной церемонии (из источников неясно, была ли она доведена до конца – Plut. Arat. 17. 2–6; Polyb. IV. 6. 1), Гонату ок. 245 г. до н.э. удалось вернуть контроль над Коринфом. Однако несколько лет спустя (в 243 г. до н.э.) город был захвачен ахейцами; восстановить власть над Коринфом Антигон Гонат уже не смог. Не удалось это сделать и его преемнику Деметрию II, хотя, очевидно, что возвращение Коринфа было одной из целей в его войне против этоло-ахейского альянса (Plut. Arat. 34. 2–3) в 230-х годах до н.э. (так называемая Деметриева война).

Пятая глава книги Диксона посвящена рассмотрению топографии и строительной политики в эллинистическом Коринфе и его хоре, а также традиционным полисным и новым культам. Археологические данные свидетельствуют об активном строительстве в конце IV и первой половине III вв. до н.э., что Диксон соотносит с покровительством Антигонидов. Но неясно, что именно могло быть построено на средства царей из этой династии в Коринфе и его округе. Например, по мнению Диксона, это была Южная стоя (с. 121–127). Интересны попытки интерпретации автором одного из сооружений недалеко от храма Посейдона на Истме как героона Демарата, умершего во время Восточного похода Александра (с. 114–115), или локализации «царской резиденции» на северном склоне Акрокоринфа (с. 128–130).

Из сохранившихся в Коринфе археологических памятников свидетелем ряда важных событий, упомянутых античными авторами, был театр (место торжеств в ходе свадьбы вдовы Александра Коринфского Никеи и Деметрия, сына Гоната ок. 245 г. до н.э., обращения Арата к гражданам Коринфа после освобождения города в 243 г. до н.э., а также речи Филиппа V в 219 г. до н.э. во время волнений среди воинов элитных частей македонской армии – *пельтастов* и *агемы*: Plut. Arat. 17. 4–5; 23. 1–4; Polyb. V. 25. 4–7) (с. 128).

В разделе о культах (с. 134–136), завершающем пятую главу, отмечается распространение в IV–III вв. до н.э. в Коринфе почитания Бендиды, а также Исиды и Сераписа, что хорошо соответствует тенденциям позднеклассического и раннеэллинистического времени.

В шестой главе Диксон, вопреки распространенному мнению, восходящему к мемуарам Арата, а также Полибию и Плутарху (Polyb. II. 43. 4; Plut. Arat. 23. 10), пытается обосновать тезис о том, что изгнание македонян из Коринфа ахейцами в 243 г. до н.э. для самих граждан города не стало, несмотря на изначальный оптимизм, положительным событием. При Антигониде Коринф играл важную роль в их державе, был объектом внимания и – согласно концепции автора – благодетель царей.

¹⁶ Диксон ограничился лишь критической ремаркой по поводу предположения Дж. Шолтена о том, Александр сын Кратера уже в это время мог «прошупывать почву» в поисках расположения этолийцев (Scholten 2000, 87), отметив, что нет никаких оснований считать, что Александр был в Коринфе в начале 250-х годов до н.э. (с. 105, прим. 91). Однако акценты необходимо расставить по-иному: 1) нет поводов думать, что Александр к этому времени уже командовал гарнизоном в Коринфе; 2) тем более что он уже поднял мятеж против Антигона; 3) или, что Александр строил планы обретения независимости.

¹⁷ Ср. Urban 1979, 16–33.

¹⁸ Например: Gabbert 1997, 54; Scholten 2000, 256.

После же «освобождения» Аратом город не обрел независимости, а был присоединен к Ахейскому союзу, став по сути лишь важной крепостью¹⁹.

Диксон делает акцент на том, что вскоре после вхождения в Ахейский союз Коринф был вынужден урегулировать при посредничестве Мегар территориальный спор с Эпидавром (еще одним новым членом федерации) — итогом стала потеря плодородной территории на юге (IG IV². 1. 71) (с. 146–148). Однако вряд ли все это было следствием целенаправленной политики руководства Ахейского союза, но, несомненно, что «освобождение» для коринфян стало ассоциироваться и с территориальными потерями.

Также Диксон в разделе шестой главы, показательно названном «Умаление коринфского престижа» (с. 148–149), отмечает, что коринфяне не выдвинулись на руководящие посты в Ахейском союзе, как это было в случае с политиками из некоторых других полисов, присоединенных к нему. Автор приводит примеры бывших тиранов Мегалополя и Аргоса — Лидиада и Аристомаха Младшего. Однако это можно объяснить отсутствием в коринфской политике ярких фигур и тем, что там не было режима единоличной власти, как в Аргосе и Мегалополе, что способствовало разработке «схемы» включения бывших тиранов после сложения ими власти в ахейскую политическую систему. Да и в течение девятнадцати лет, когда Коринф входил в Ахейский союз (243–224 гг. до н.э.), девять лет (с необходимыми по закону интервалами) пост стратега занимал сам Арат.

Некоторые другие аргументы, приведенные Диксоном для иллюстрации «умаления престижа» и бед Коринфа (например, что город не стал местом проведения союзных собраний ахейцев, его хора пострадала от вторжения этолийцев на Пелопоннес в 241 г. до н.э. и т.д.), также не свидетельствуют о преднамеренной политике Арата. Однако в 225 г. до н.э. во время Клеоменовой войны коринфяне перешли на сторону Спарты (лишь Акрокоринф остался под контролем ахейцев) (с. 154–161).

В связи с этим следует упомянуть предположение Р. Урбана о том, что оппозицию Арату перед сдачей города Клеомену возглавили те коринфяне, которые после 243 г. до н.э. заняли ведущее положение в полисе и были лояльно настроены в отношении Ахейского союза, но, когда в ходе инспирированных Аратом переговоров ахейцев с Антигоном Досоном о помощи против Спарты стало известно о возможности возвращения Коринфа македонянам, они не могли ожидать для себя ничего хорошего (Urban 1979, 191–192). Кстати, Диксон, не упоминая мнения Урбана, мимоходом высказал похожее суждение (с. 155–156).

Итак, сомнительно, что сильные антиахейские настроения господствовали в Коринфе задолго до Клеоменовой войны. Можно отметить и то, что Коринф был одним из последних городов Ахейского союза, перешедших на сторону Клеомена III. Но, показательно и то, что в критической для Арата и Ахейской федерации ситуации Коринф стал «разменной монетой», обещанной македонскому царю Антигону III Досону за военную помощь против Спарты.

Седьмая глава книги Диксона посвящена последнему этапу македонского контроля над Коринфом: от его занятия Антигоном Досоном в 224 г. до н.э. и до эвакуации гарнизона из города после поражения Филиппа V во Второй Македонской войне.

С 224 г. до н.э. Коринф был важным центром нового Эллинского союза, созданного Досоном, — местом, где находилась резиденция представителя гегемона. Уже давно было анонсировано открытие (между 1956 и 1972 г.) в святилище Посейдона на Истме фрагментов трех стел, возможно, связанных с союзом времени Досона и Филиппа V²⁰. Диксон упоминает о них, констатируя, что данные надписи до сих пор не опубликованы (с. 191, прим. 12), о чем можно только сожалеть.

В этой же главе Диксон рассмотрел вопрос о политической организации Коринфа и характере его отношений с Македонией в конце III в. до н.э. На основе коринфского декрета об *асилии* храма Артемиды Левкофриены в Магнесии на Меандре в 208 г. до н.э., принятого от имени ἐκκλησία²¹, он заключает, что в Коринфе функционировало народное собрание; при этом в декрете Коринфа не упоминается санкция Филиппа V (с. 187–188). С другой стороны, решение царя по этому же поводу зафиксировано в декрете, принятом советом и народным собранием Халкиды; но в декрете Эретрии

¹⁹ Интересно провести параллели с Афинами, которые всячески старались избежать «освобождения» ахейцами и Аратом в конце 240-х — 230-е годы до н.э. И позднее, после роспуска македонского гарнизона вслед за смертью Деметрия II в 229 г. до н.э. афиняне, получив часть суммы, необходимой для выплаты служившим в нем наемникам от Арата лично, тем не менее дистанцировались от Ахейского союза (Plut. *Arat.* 33–34; 41. 3; ср. Polyb. V. 106. 6–8).

²⁰ Впервые об этом было сообщено со ссылкой на личную сообщение от Э. Бэдиана в диссертации К. Эрхардта (Ehrhardt 1975 II, 267); ср. Gebhard, Nemans 1998, 58 (здесь приведены некоторые дополнительные подробности и анонсирована так и не состоявшаяся публикация); Scherberich 2009, 15.

²¹ Rigsby 1996, no. 92.

Филипп V опять не фигурирует²². Это может указывать на разный «правовой» характер отношений царя с тремя греческими городами, занятыми македонскими гарнизонами, и разную степень их автономии (с. 187–188). С другой стороны можно допустить и то, что санкция Филиппа V имела, но не была в силу каких-то причин упомянута в декретах Коринфа и Эретрии²³.

Следует заметить, что в связи с рассмотрением «юридических» аспектов отношений коринфян и Антигонидов автору можно было бы более широко использовать свидетельства о политике царей этой династии по отношению к другим союзным и зависимым эллинским полисам в III в. до н.э. (см. далее по поводу похожей ремарки и самого автора). Например, для этого имеется хороший материал (литературная традиция и эпиграфические источники) из Афин.

В финальной восьмой главе Диксон подводит итоги и предлагает несколько возможных направлений дальнейших исследований эллинистического Коринфа – археологические изыскания, направленные на уточнение локализации некоторых объектов (например, «царской резиденции»), изучение чеканки и датировка эмиссий, рассмотрение статуса Коринфа наряду с другими городами, бывшими «оковами» Эллады, – и выражает надежду на открытие надписей, иллюстрирующих отношения коринфян и македонян (с. 208–210).

Книга Диксона стала важным вкладом в изучение не только истории Коринфа, но и в более широком контексте – истории Балканской Греции в эпоху эллинизма. Также Диксоном было сделано немало интересных (но, не всегда бесспорных) замечаний по многим частным сюжетам истории Коринфа и его отношений с македонскими царями.

В силу состояния источников собственно история Коринфа теряется в рецензируемой монографии за внешнеполитическим фоном. Также автору было необходимо посвятить отдельную главу разбору проблем, связанных с внутренней организацией коринфского полиса эллинистической эпохи (представляется, что большего обоснования требует мнение о его олигархическом характере – например, с. 199–200) и формальными аспектами отношений коринфян с македонскими правителями. Замечания об этом встречаются в разных частях книги (см. выше), но было бы логичным именно комплексное рассмотрение данных сюжетов в рамках специальной главы.

Автор внес довольно мало нового в изучение фундаментальной проблемы отношений полисов и эллинистических монархов²⁴. Хотя даже на имеющемся коринфском материале ее, как представляется, можно было бы исследовать более глубоко. При этом следует отметить определенную идеализацию Диксоном отношений македонских царей и коринфян, базирующуюся на авторской концепции об εὔνοια как основе их взаимодействия²⁵.

Однако следует еще раз отметить, что монография Диксона о позднеклассическом и эллинистическом Коринфе является первым обращением к неизученной и важной теме. Уже это выделяет ее среди потока книжной «продукции», авторы которой (зачастую даже по-настоящему авторитетные и именитые антиковеды) не утруждают себя поисками оригинальных сюжетов или, как минимум, новых подходов. Достоинства работы Майкла Диксона превышают имеющиеся в ней спорные моменты.

Литература / References

- Bengtson, H. 1944: *Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Ein Beitrag zum antiken Staatsrecht*. Bd. II. München.
- Ehrhardt, Ch. T. H. R. 1975: *Studies in the Reigns of Demetrius II and Antigonos Doson*. Diss. S. U. N. Y. Vol. I–II. Buffalo.

²² Rigsby 1996, no. 97–98.

²³ Необходимо упомянуть, что в сохранившихся декретах четырех македонских городов о признании *асилии* храма Асклепия на о. Кос в 243 г. до н.э. решение Антигона Гоната по этому поводу упомянуто в документах из Кассандрии, Амфиполя и Филипп, но не в постановлении Пеллы, где находилась царская резиденция (Rigsby 1996, no. 23, 25–27 = *IG XII. 4. 1.* 220–221).

²⁴ Ср. Paschidis 2008, 21–24 (хороший обзор основных концепций по проблеме отношений полисов и эллинистических царей).

²⁵ Очевидно, что отношения граждан Коринфа, македонян и других внешних сил укладываются в схему ориентации полиса на сильнейшего и подчинения ему. Например, изгнание македонян в 243 г. до н.э. Аратом было воспринято коринфянами с энтузиазмом (Plut. *Arat.* 23. 3), который впоследствии сменился большим или меньшим разочарованием от включения города в Ахейский союз (см. выше), что подготовило почву для роста симпатий к Клеомену и перехода Коринфа на его сторону. Передача города и Акрокоринфа ахейцами Антигону Досону в 224 г. до н.э. не вызвала сопротивления, но нет оснований считать, что коринфяне ждали этого с нетерпением.

- Gabbert, J.J. 1997: *Antigonos II Gonatas. A Political Biography*. London–New York.
- Gebhard, E.R., Hemans, F.P. 1998: University of Chicago Excavations at Isthmia: II. *Hesperia* 67.1, 1–63.
- Hatzopoulos, M.B. 2003: Quaestiones Macedonicae: lois, décrets et épistates dans les cités macédoniennes. *Tekmeria* 8, 27–60.
- Paschidis, P. 2008: *Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 B.C.)*. Athens.
- Rice, E.E. 1983: *The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus*. Oxford.
- Rigsby, K.J. 1996: *Asyilia. Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Scherberich, K. 2009: *Koinè symmachia. Untersuchungen zum Hellenenbund Antigonos' III. Doson und Philipps V. (224–197 v. Chr.)*. Stuttgart.
- Scholten, J.B. 2000: *The Politics of Plunder. Aitolians and Their Koinon in the Early Hellenistic Era, 279–217 B.C.* Berkeley–Los Angeles–London.
- Tracy, S.V. 2003: *Athens and Macedon. Attic Letter-Cutters of 300 to 229 B.C.* Berkeley.
- Urban, R. 1979: *Wachstum und Krise des Achäischen Bundes*. Wiesbaden.
- Walbank, F.W. 1984: Rev.: Rice, E.E. The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus. *Liverpool Classical Monthly* 9.4, 52–54.

Yuri N. Kuzmin,

Samara Branch of Moscow City University,
Samara, Russia

yurimac@yandex.ru

Ю.Н. Кузьмин,

кандидат исторических наук, доцент
Самарский филиал Московского
городского педагогического университета,
Самара, Россия

Vestnik drevney istorii
76/2 (2016), 477–489
© The Author(s) 2016

Вестник древней истории
76/2 (2016), 477–489
© Автор(ы) 2016

ЭЛЛАДА И РИМ SUB SPECIE COMPARATIONIS

(A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by
D. Hammer. Malden–Oxford: Wiley Blackwell, 2015. XVIII, 531 p.)*

В последние полтора десятилетия в западной (конкретно – в англоязычной) литературе по антиковедению (и не только по нему) получил чрезвычайно большое распространение жанр, который в оригинале означает как «Companion». Кстати, большой проблемой является поиск нужного русского слова, которое адекватно передавало бы данный термин, имеющий метафорическое происхождение. Пока проблема эта не решена. Авторы рецензии неоднократно обсуждали ее и друг с другом, и с коллегами, но искомая лексема так и не найдена. Пособие? Справочник? Вводно-обобщающий курс по теме? Не вполне то... Приходилось слышать от кого-то даже вариант – «компендиум», но это уж явно совсем не то. И притом, нельзя же в переводе давать буквальную кальку, писать «компэньон», или «компаньон»... Это уж означало бы – расписаться в полной собственной несостоятельности, которая, полагаем, все-таки не имеет места. Один из авторов этой рецензии, И.Е. Суриков, даже как-то, выступая перед молодыми учеными, сказал, что несомненно премии будет достоин тот, кто предложит оптимальный вариант¹.

* Работа в части, написанной А.В. Махлаюком, выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-21-20003 «Цивилизационные и кросс-культурные аспекты формирования римского мира в период перехода от республики к принципату», а также частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

¹ На самом деле, может быть, неплохо было бы слово «спутник» (по аналогии с советским «Спут-